

АКАДЕМИЧЕСКИЙ БРАК И ЕГО УЧЕННЫЕ ЗАЩИТНИКИ

Письмо в редакцию

Пишущий эти строки допустил серьезную ошибку.

Привыкнув доверять научной продукции Академии наук СССР, он почел достоверным сообщение Г. П. Блока и В. Н. Макеевой, что ими обнаружен текст «Риторики» М. В. Ломоносова — редакции 1764 года. Он был настолько опрометчив, что поспешил и сам сообщить об этом «научном открытии» во втором издании своей книги «Ломоносов», чем способствовал распространению сведений, оказавшихся, как выяснилось впоследствии, неверными. Памятуя, что подобная доверчивость может подвести не только его одного, он и решил предостеречь читателей и исследователей, которые могли бы обратиться к седьмому тому Полного собрания сочинений Ломоносова, где оная «Риторика» и была напечатана. А так как публикация изобиловала различными текстологическими новшествами, то и познакомить с этими достижениями научной текстологии. С таковой целью и была написана статья «Последняя воля Ломоносова».

Статья вызвала протест всех трех редакторов седьмого тома, хотя можно предположить, что не все они в равной мере принимали участие в издании. Но теперь они соли себя обязанными разделить научную ответственность.

Авторы письма пытаются доказать, что текст «Риторики», изданный на бумаге 60-х годов, и впрямь отражал последнюю волю Ломоносова, хотя и не приводят никаких документальных свидетельств того, что он действительно принимал участие в этом издании.

Они указывают, что обнаруженное ими издание не «тютелька в тютельку» повторяет «Риторике» 1748 года, а отличается от нее в ряде параграфов. Совершенно верно! И не только в § 148, но и в параграфах 149, 150, 151. Все дело в том, что издание, осуществленное незадолго до смерти Ломоносова, не просто повторило «Риторике» 1748 года, а механически воспроизвело ее по первоначальному экземпляру 1747 года. Подтверждение тому можно найти и в новом академическом издании, где сказано: «судя по условному корректурному знаку, сделанному рукой Ломоносова, к корректуре был приложен им

взамен зачеркнутого другой текст §§ 148, 149, 150, 151, написанный на отдельном листке, который не сохранился» (т. VII, стр. 220). И далее приводится этот текст, напечатанный в «Риторике» 1748 года и в «Сочинениях» 1759 года.

Однако листок вовсе не затерялся. Он был употреблен с пользой. Ломоносов переработал указанные параграфы для окончательного текста «Риторики» уже в 1748 году. Он уточнил и добавил «разделение вымыслов», указав на то, что они делятся на «цельные и частные», на «описания» (с примерами из Овидия и Вергилия) и «повествования» (со ссылкой на «Превращения» Овидия). Эта редакция и нашла себе место как в окончательном тексте издания «Риторики» 1748 года, так и в собрании сочинений 1759 года «с сочинительскими исправлениями». Тем и объясняются приведенные авторами письма «разночтения», которые доказывают вовсе не то, что тут наличествует новая, более поздняя редакция, а как раз обратное. Если авторы «Письма» ставили своей целью доказать, что редакторы VII тома Ломоносова перепечатали не полноценный экземпляр «Риторики» 1748 года, а положили в основу новейшего академического издания первоначальный, невыправленный экземпляр той же «Риторики», относящийся к 1747 году, то они вполне правы. Это же и утверждалось в статье.

Авторы «Письма» утверждают, что «единственный порок» издания 1765 года — механическая перепечатка списка погрешностей, приложенного к изданию 1748 года. Но ведь не только список погрешностей, но и сами погрешности мирно перекечевали и в перепечатку 1765 года и в новейшее академическое издание! Так, на стр. 166 седьмого тома в § 93 напечатано: «но только христиан выiskивать запрещается, но приводить полезно». Еще в 1748 году Ломоносов заметил столкновение двух «но» и в «погрешностях» указал, что вместо «но только» следует читать «только».

На стр. 188 нового академического издания в § 114 напечатано: «То будут тебя чтить и стары, и младые». Ломоносов заметил эту ритмическую ошибку и в «погрешностях» указал правильное чтение: «То будут чтить

тебя». Перепечатки, осуществленные в 1765 году и в 1952 году, этими указаниями пренебрегли. Само наличие в тексте перепечатки 1765 года подобных «пассажей» является прямым доказательством того, что Ломоносов к ней не имел отношения.

Неверно и обвинение в том, что «под модернизацией критик понимает передачу текста по правилам современной орфографии». Разве автор статьи требовал восстановить буквы «ять» или «твердый знак»? Он требовал только сохранить исторические особенности языка Ломоносова, отражающие существенные особенности исторического развития русского литературного языка. Современная орфография вполне позволяет передать именно те исторически важные колебания, которые, как это не отрицают авторы письма, зафиксированы в текстах Ломоносова. Ломоносов действительно писал и «верхний» и «верхний», «который» и «которой». Унификация этих написаний по любой орфографии недопустима. Редакторы седьмого тома утверждают, что они не нарушили, а, наоборот, соблюли волю Ломоносова, убрав мягкий знак из тех слов, где, по авторскому или типографскому недосмотру, «он не был выкинут». Вот как просто решают дело академические текстологи. Чуть, по их мнению, Ломоносов зазевался или немного «плошал» — а! — они его и исправили.

Неужели авторы письма допускают мысль, что в живой речи Ломоносова не было таких

форм произношения, как «первой», дошедших до нашего времени, например, в театральном произношении Московского Малого театра? А если такие формы возможны и вдобавок зафиксированы в текстах самого Ломоносова, то тут уже налицо не исправление авторского «недосмотра», а выравливание живых черт его языка и фактов истории русского литературного языка, что не делает чести академическому изданию.

Авторы «Письма» насаждают своего рода текстологический нигилизм. Они, ничтоже сумняшеся, объявляют, что полнейшая достоверность текста не является требованием, которое предъявляется к академическим изданиям, ибо они, мол, все равно предназначаются для не специалистов. Но существуют ли тогда вообще издания или издательства для специалистов, если эти функции неожиданно оказываются чуждыми Академии наук? Как ни странно, авторы «Письма» сами признают, что академическое издание филологических трудов Ломоносова в седьмом томе для научной работы не пригодно.

Можно только пожалеть, что два крупных советских ученых вознамерились прикрыть своим авторитетом заведомо плохую, научно несостоятельную продукцию лиц, не справившихся с возложенным на них заданием и потерпевших научное фиаско.

Александр Морозов

ОТ РЕДАКЦИИ

Академик В. В. Виноградов, член-корреспондент Академии наук СССР С. Г. Бархударов и Г. П. Блок поместили в «Известиях Академии наук СССР» («Отделение литературы и языка», т. XV, 1956, вып. 5) письмо с возражениями на критику ошибок, допущенных при издании седьмого тома Полного собрания сочинений М. В. Ломоносова, — критика была высказана в статье А. Морозова «Последняя воля Ломоносова» («Звезда», 1956, № 4).

Авторы письма, являющиеся в то же время редакторами этого тома, признавая ряд допущенных ими текстологических ошибок, упрекают критика в том, что он пренебрег «обязательной в научной полемике корректностью». Они указывают и на некоторые промахи самого А. Морозова при редактировании им «Стихотворений» Ломоносова в Малой серии «Библиотеки поэта», видимо, полагая, что ошибки критика могут служить оправданием ошибок, допущенных в академическом издании.

«Прибегать к таким приемам не годится», — заявляют авторы письма, разобрав замечания критика. Следует предположить, что приемы авторов письма научно безупречны и могут служить образцом корректной научной полемики. Обратимся к их доводам.

Авторы письма заявляют, что текстологические принципы, положенные в основу изда-

ния седьмого тома Ломоносова, согласуются с «Правилами издания исторических документов», принятыми в 1955 году Институтом истории Академии наук СССР, Главным архивным управлением и Историко-архивным институтом и «являвшимися продуктом широчайшего общественного обсуждения во всеобщем масштабе». Но эти «правила» не имеют отношения к принципам, осуществленным при издании седьмого тома Ломоносова, вышедшего в 1952 году. Правда, до этого существовали «правила», выработанные в 1945 году, но редакторы седьмого тома ими тоже не руководствовались. Они, как пишет в редакцию «Звезды» председатель Ленинградского отделения Археографической комиссии Академии наук СССР, доктор исторических наук А. И. Андреев, «пользовались своими собственными правилами издания, которые часто были весьма далеки от основных принципов и приемов советской археографии того времени». В результате применения этих приемов и получился «искаженный текст, по которому трудно судить о том, как писал Ломоносов. Особенности написания им отдельных слов и различные колебания его в написаниях исчезли в новом академическом издании». Так что ссылка авторов письма на «Правила издания исторических документов» решительно ни при чем.

Полемизируя с А. Морозовым, редакторы

седьмого тома в своем письме заявляют, что «под модернизацией критик понимает передачу текста по правилам современной орфографии и пунктуации», то есть, что он требовал печатать тексты Ломоносова по старой орфографии. Этого в статье не было. А. Морозов возражал против недопустимой унификации текстов Ломоносова, той модернизации, которой можно было избежать, передавая тексты и средствами современной орфографии. О допустимости и убедительности подобных приемов научной полемики пусть судят читатели.

Авторы письма пытаются убедить нас, что все значение статьи А. Морозова сводится к указанию на отдельные случайные опечатки и незначительные погрешности при общем высоком филологическом уровне издания. На самом деле речь шла не об отдельных ошибках и промахах, а о неверных принципах, в результате применения которых возникали многочисленные ошибки. А. Морозов указал лишь отдельные типы или виды ошибок, повторявшиеся на протяжении всего текста (например, унификация написаний на — *ый*, — *ий* и — *ой*, — *ей* и других колебаний в написаниях). Материалы, полученные редакцией «Звезды» от специалистов и читателей, указывают на различные другие ошибки этого издания, иногда курьезные, не отмеченные в статье А. Морозова. Да и сами редакторы седьмого тома скромно признают, что таких ошибок «можно насчитать даже несколько больше, чем насчитал А. Морозов». Что же они хотели доказать своим письмом? Что так и следует издавать академические собрания сочинений?

Даже такой основной вопрос, как выбор текста «Риторики» Ломоносова для академического издания, был решен ошибочно. Авторы письма не привели никаких доказательств того, что они осуществили «последнюю волю» Ломоносова, приняв для издания перепечатку «Риторики» 1748 года (осуществленную в 1765 году) при наличии текста 1759 года «с сочинительскими исправлениями». А вот противоположных доказательств много.

Научные сотрудники Ленинградского отделения Института истории естествознания и техники Академии наук СССР В. Л. Ченакал,

Г. Е. Павлова и Н. В. Соколова сообщили в редакцию «Звезды», что, составляя «Летопись жизни и творческой деятельности М. В. Ломоносова», они «пересмотрели все дошедшие до нашего времени архивные документы, связанные с деятельностью М. В. Ломоносова в Петербургской Академии наук, и не обнаружили среди них ни одного документа, который бы свидетельствовал о том, что М. В. Ломоносов принимал какое-либо участие в переиздании его «Риторики» в 1764—1765 гг.». Более того. «Сама инициатива переиздания «Риторики» принадлежала не М. В. Ломоносову, а комиссару академической книжной лавки С. В. Зборомирскому». Имеющиеся архивные материалы показывают, что на «Риторик» Ломоносова был большой спрос. Канцелярия Академии наук и решила отпечатать новый тираж книги, причем на титульном листе книги был обозначен 1748 год. Новый набор был сделан по корректурному экземпляру «Риторики» 1747 года, поныне хранящемуся в Академии наук.

«В последний год жизни М. В. Ломоносов был полностью занят организацией экспедиции по отысканию северного морского пути из Европы в Азию и осуществлением своего грандиозного проекта по украшению мозаичными картинами Петропавловского собора», — сообщают нам составители научной «Летописи» жизни Ломоносова. В последний год жизни он был тяжело болен, неделями не выходил из дому. Его участие в перепечатке «Риторики» ничем не подтверждено. Да и трудно предположить, чтобы Ломоносов взял да и восстановил все ошибки и опечатки, исправленные им самим за семнадцать лет до того. «Издание «Риторики» в 1765 году не «последняя воля» Ломоносова, а печальный случай в издательской деятельности Академии наук 1765 года, который ввел в заблуждение современных издателей той же «Риторики», — пишет нам и проф. А. И. Андреев.

Доброй академической традицией является не следование типографским нравам Петербургской Академии наук или обычаям академической Канцелярии XVIII века, а добросовестное исследование истины, включающее и признание допущенных ошибок.

седьмого тома в своем письме заявляют, что «под модернизацией критик понимает передачу текста по правилам современной орфографии и пунктуации», то есть, что он требовал печатать тексты Ломоносова по старой орфографии. Этого в статье не было. А. Морозов возражал против недопустимой унификации текстов Ломоносова, той модернизации, которой можно было избежать, передавая тексты и средствами современной орфографии. О допустимости и убедительности подобных приемов научной полемики пусть судят читатели.

Авторы письма пытаются убедить нас, что все значение статьи А. Морозова сводится к указанию на отдельные случайные опечатки и незначительные погрешности при общем высоком филологическом уровне издания. На самом деле речь шла не об отдельных ошибках и промахах, а о неверных принципах, в результате применения которых возникали многочисленные ошибки. А. Морозов указал лишь отдельные типы или виды ошибок, повторявшиеся на протяжении всего текста (например, унификация написаний на — *ый*, — *ий* и — *ой*, — *ей* и других колебаний в написаниях). Материалы, полученные редакцией «Звезды» от специалистов и читателей, указывают на различные другие ошибки этого издания, иногда курьезные, не отмеченные в статье А. Морозова. Да и сами редакторы седьмого тома скромно признают, что таких ошибок «можно насчитать даже несколько больше, чем насчитал А. Морозов». Что же они хотели доказать своим письмом? Что так и следует издавать академические собрания сочинений?

Даже такой основной вопрос, как выбор текста «Риторики» Ломоносова для академического издания, был решен ошибочно. Авторы письма не привели никаких доказательств того, что они осуществили «последнюю волю» Ломоносова, приняв для издания перепечатку «Риторики» 1748 года (осуществленную в 1765 году) при наличии текста 1759 года «с сочинительскими исправлениями». А вот противоположных доказательств много.

Научные сотрудники Ленинградского отделения Института истории естествознания и техники Академии наук СССР В. Л. Ченакал,

Г. Е. Павлова и Н. В. Соколова сообщили в редакцию «Звезды», что, составляя «Летопись жизни и творческой деятельности М. В. Ломоносова», они «пересмотрели все дошедшие до нашего времени архивные документы, связанные с деятельностью М. В. Ломоносова в Петербургской Академии наук, и не обнаружили среди них ни одного документа, который бы свидетельствовал о том, что М. В. Ломоносов принимал какое-либо участие в переиздании его «Риторики» в 1764—1765 гг.». Более того. «Сама инициатива переиздания «Риторики» принадлежала не М. В. Ломоносову, а комиссару академической книжной лавки С. В. Зборомирскому». Имеющиеся архивные материалы показывают, что на «Риторик» Ломоносова был большой спрос. Канцелярия Академии наук и решила отпечатать новый тираж книги, причем на титульном листе книги был обозначен 1748 год. Новый набор был сделан по корректурному экземпляру «Риторики» 1747 года, поныне хранящемуся в Академии наук.

«В последний год жизни М. В. Ломоносов был полностью занят организацией экспедиции по отысканию северного морского пути из Европы в Азию и осуществлением своего грандиозного проекта по украшению мозаичными картинами Петропавловского собора», — сообщают нам составители научной «Летописи» жизни Ломоносова. В последний год жизни он был тяжело болен, неделями не выходил из дому. Его участие в перепечатке «Риторики» ничем не подтверждено. Да и трудно предположить, чтобы Ломоносов взял да и восстановил все ошибки и опечатки, исправленные им самим за семнадцать лет до того. «Издание «Риторики» в 1765 году не «последняя воля» Ломоносова, а печальный случай в издательской деятельности Академии наук 1765 года, который ввел в заблуждение современных издателей той же «Риторики», — пишет нам и проф. А. И. Андреев.

Доброй академической традицией является не следование типографским нравам Петербургской Академии наук или обычаям академической Канцелярии XVIII века, а добросовестное исследование истины, включающее и признание допущенных ошибок.